

Т. Н. Джаксон

Этногеографический справочник

Адальсюсла (Aðalsýsla) — букв. «Основная сюсла» (*adal* в композитах — «основной, главный»; *sýsla* — «сюсла», юридический термин для обозначения управления, пожалованного королем или епископом, либо географический термин со значением «район, округ, префектура»). Видимо, «главным» этот «район» был в том смысле, что он — материковый, в противоположность «островному району», как можно буквально перевести древнескандинавское название о. Сааремаа — *Eysýsla* (см. ниже). Под *Адальсюслоу* в сагах обычно понимается прибрежная материковая часть Эйтланда, лежащая против о. Сааремаа. Размеры этой области не известны. Может быть, это Ляэнемаа. Р.Клизби и Гудбранд Вигфуссон понимают этот топоним как обозначение современной Эстонии (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957. P. 616)

Альдейгьюборг (Aldeigjuborg) — древнескандинавское обозначение Ладоги (Старой Ладоги). Самая ранняя фиксация этого композита — в *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Олда (см.: Джаксон 1993а. Гл. 5 «Сага об Олаве Трюггвасоне»).

По хронологии, восстанавливаемой для королевских саг, *Aldeigjuborg* упоминается только при описании событий, относящихся к эпохе викингов (до середины XI в., до отъезда с Руси Харальда Жестокого Правителя).

Присутствие в скальдических стихах (в виле из поэмы Эйольва Дадаскарльда *Bandadrápa*, сочиненной ок. 1010 г. — см.: Джаксон 1993а. Мотив 17 в главе 5 и комментарий к нему) формы *Aldeigja* говорит о том, что именно она являлась исходной для этого наименования. В сагах топоним встречается редко, уступив в них место вторичному образованию *Aldeigjuborg*.

Исследователи единодушны в признании генетической связи между топонимами *Aldeigja* и *Ладога*, но вопрос об их происхождении и взаимозависимости решался в науке по-разному. Название города производили и от наименования Ладожского озера (из финск. *aaldokas, aallokas «волнующийся» — от aalto «волна»; см.: Munch 1874. S. 260; Thomsen 1879. S. 84; Фасмер 1986–1987. Т. II. С. 448), и от имени реки *Ладога* (соврем. *Ладожка*, из финск. *Alode-joki, где alode, aloe — «низкая местность» и jok(k)i — «река»; см.: Mikkola 1906. S. 10–11; Брим 1931. С. 222–223; Рыдзевская 1945. С. 64–65; Роспонд 1972. С. 53; Попов 1981. С. 55–56, 90–91; Нерознак 1983. С. 101–102). Изначально разделявший последнюю точку зрения Г. Шрамм (Schramm 1982. S. 274–278) пересмотрел свое мнение и предположил, что в основе названия города Ладоги лежит финское имя Волхова (финск. Olhava — Фасмер 1986–1987. Т. I. С. 346) или его нижнего течения (Schramm 1986. S. 369–370). Думаю, исследователь не принял здесь во внимание такую топонимическую закономерность, что при образовании городов вблизи устьев небольших рек города, как правило, получали свое название не по основной реке, а именно по этим притокам.

К настоящему времени можно считать почти доказанным, что сначала возникло название реки, затем города и лишь затем озера. По общему мнению исследователей, название происходит из прибалтийско-финских языков. Скорее всего, исходный гидроним — финск.*Alode-jogi (joki) — «Нижняя река». По А.И. Попову, последовательность такова: 1) «прибалтийско-финский или саамский оригинал», 2) «русская передача (курсив мой. — Т.Д.) этого названия (Ладога) с последующим переносом на торговый пункт — г. Ладогу», 3) перенос имени города на озеро (Попов 1981. С. 55–56, 90–91). Древнескандинавский топоним *Aldeigja* (*Aldeigjuborg*) приводится исследователями большей частью лишь как параллель к древнерусскому

(Попов 1981; Нерознак 1983). Однако, как со всей убедительностью доказал И. Миккола, исходным является сочетание **al**, а не **la** в начале слова, ибо только последнее может быть объяснено из первого, но не наоборот (Mikkola 1906). Соответственно, можно утверждать, что из финского названия реки Ладоги (совр.: Ладожки) произошел скандинавский топоним *Aldeigja* (вероятнее всего, сначала как имя реки, а затем — поселения), а из него (с метатезой **ald** > **lad**) — древнерусское *Ладога*.

Возникновение древнерусского названия *Ладога* не прямо от субстратного *Alode-jogi, а через посредство скандинавского *Aldeigja* требует своего объяснения. Некоторое время назад Г. Шрамм мог только предполагать, что если славянское имя произошло от скандинавского, то славянский поток достиг Ладоги десятилетиями позже (Schramm 1986. S. 369). На помощь пришла археология: новейший анализ стратиграфии, домостроительства и топографии Ладоги VIII–X вв. показал, что первыми поселенцами в Ладоге в начале 750-х гг. действительно были выходцы из Северной Европы, а импульс продвижения славян дал себя знать лишь к концу 760-х гг. (Кузьмин 1989; Кузьмин, Мачинская 1989).

Используемый сагами композит *Aldeigjuborg* построен при помощи корня *borg*, служащего для оформления древнескандинавской топонимии Западной Европы и не типичного для обозначения городов Древней Руси. Причина, по-видимому, кроется в известной поэтапности освоения скандинавами пути «из варяг в греки»: Ладогу, лежащую в самом начале этого пути, варяги освоили, согласно имеющимся археологическим данным, уже во второй половине VIII в., на остальной же его части они археологически прослеживаются только со второй половины IX в. Осевшие в Ладоге скандинавы, составлявшие здесь, «вероятно, сравнительно самостоятельную политическую организацию» (Лебедев 1975. С. 41), создали топоним *Aldeigja*, а затем дали городу имя *Aldeigjuborg*, в соответствии с привычной для себя топонимической моделью *X-borg*.

Аустрвег (Austrvegr) — «Восточный путь» (производное от *austr* — «восток» и *vegr* — «путь»). Композит на *-vegr* не является, как того можно было бы ожидать, обозначением пути (см.: Джексон 1976). Несмотря на потенциальную продуктивность словообразовательной схемы «сторона света + *vegr*», топонимов *Vestrvegr* = «Западный путь», *Suðrvegr* = «Южный путь» и *Norðrvegr* = «Северный путь» мы в сагах не находим. Видимо, исходной моделью была «сторона света + *vegir/vegar*» (мн. ч. от *vegr*), так как *Austrvegr* сохранился в формах как множественного (*Austrvegir* — *Austrvegi* — «Восточные пути» — в более ранних памятниках), так и единственного числа, а три других слова зафиксированы лишь в форме множественного числа: *Vestrvegir* — в шведской рунической надписи; *Suðrvegir* — в *Обзоре саг о норвежских конунгах*, в *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Одда, в *Старшей Эдде* и в *Саге о побратимах*; *Norðvegar* — в *Старшей Эдде*. Скорее всего, изначально эти названия являлись обозначениями (возможно, вполне конкретных) многочисленных путей (маршрутов) на восток, запад, юг и север. Однако постепенно корень *veg-* в их составе лишился своих основных семантических компонентов, и значения композитов на *-vegr* стали качественно иными, нежели сумма значений их составляющих. Так, *Nóregr* (стянутая форма от *Norðrvegr*) стал использоваться в качестве названия страны — Норвегии, а *Austrvegr* стал обозначать *земли* за Балтийским морем, что и позволило ему встать в один топонимический ряд с композитами *Austrlönd* и *Austrriki* (см. здесь же).

Самая ранняя фиксация этого топонима — в форме множественного числа в висе из поэмы скальда IX в. Тьодольва из Хвинира *Перечень Инглингов* (Skj. A, I. S. 9). В форме единственного числа композит употребляется в пяти рунических надписях XI в. (Мельникова 1977б. №11, 35, 50, 55, 66). В четырех случаях (равно как и в висе) значение топонима не раскрывается, в пятом — в готландской надписи первой

половины XI в. — содержится уточнение, с известными допущениями прочитываемое исследователями как «далеко в Лангабардаланде» (Мельникова 1977б. №35).

В ранних королевских сагах (*Обзоре саг о норвежских конунгах*, *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Одда и *Гнилой коже*) фиксируется следующая стадия развития топонимии с корнем *aust-* (Джаксон 1988а). *Austrvegr* выступает в них в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки». Так, в *Обзоре* говорится, что Харальд после гибели Олава Святого «бежал из страны и в Аустрвеги (í Austrvega)», а затем пустился в обратный путь «из Гарда (Миклагарда = Константинополя) по Аустрвегу (um Austrveg)» (Ágrip. Bl. 32, 36). В ряде случаев совершенно ясно, что топоним в названных источниках выступает в качестве обозначения Руси. В *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Одда рассказывается о Висивальде, «конунге Аустрвега (Austrvegs konungr)» (Ó. Tr. Oddr. S. 107), а в *Саге об Олаве Святом* Снорри называет его «Виссавальд с востока из Гардарики» (ÍF. XXVI. 289). В *Обзоре* говорится, что Ингигерд, дочь Олава Шведского, взял в жены «Ярицлав, конунг Аустрвега (Austrvegs konungr)» (Ágrip. Bl. 26), а в *Круге земном* в том же контексте читаем: «конунг Ярицлейв с востока из Хольмгарда» (ÍF. XXVII. 147). В *Обзоре* повествуется о поездке родовитых норвежцев за Магнусом, сыном Олава, воспитывавшимся на Руси, «в Аустрвеги (í Austrvega) к конунгу Ярицлаву» (Ágrip. Bl. 34) и т.д.

В более поздних королевских сагах (*Красивой коже* и *Круге земном*) достаточно последовательно для обозначения Руси используется окончательно оформившийся к этому времени топоним *Garðaríki* (см. ниже), который «вытесняет на запад» *Austrvegr*. «Восточный путь» названных сводов королевских саг — это земли юго-восточного побережья Балтийского моря (Джаксон 1976). Он охватывает *Виндланд* (*Vindland*), *Эйстланд* (*Eistland*), *Курланд* (*Kúrland*), *Финнланд* (*Finnland*) и *Курьялаланд* (*Kirjálaland*).

Аустрлонд (Austrlönd) — «Восточные земли» (производное от *austr* — «восток» и мн.ч. существительного *land* — «земля» — *lönd*). Принадлежит к одному топонимическому ряду с *Austrríki* (*Аустррику*) и *Austrvegr* (*Аустрвег*) (см. здесь же). Значение его — самое широкое и самое неопределенное. Различие семантики обусловлено, помимо прочего, и различием грамматической формы: *Austrlönd* употребляется только в форме множественного числа. Думаю, подтверждением сказанному может служить тот факт, что топоним *Norðrvegr* (в стянутой форме *Nóregr*) выступает обозначением одной страны на севере Скандинавского полуострова — Норвегии, а *Norðrlönd* — всех Скандинавских стран (Metzenthin 1941. S. 73, 76).

Самая ранняя фиксация топонима *Austrlönd* — в висе скальда Глума Гейрасона *Gráfeldardrápa* (975 г.). Поэтический текст (Skj. A, I. S. 76) не дает возможности определить, в каком значении использовал скальд X в. интересующее нас наименование, но через строфу в той же поэме (Skj. A, I. S. 76–77) он употребил наречие *austr*, говоря о битве конунга Харальда Серая Шкура с бьярмами на берегу реки Вины (о *Бьярмаланде* и *Вине* см. ниже), так что можно предположить, что «восток» скальд понимал весьма широко и к «Восточным землям» относил области севера Восточной Европы (от Балтийского моря до Беломорья). Эволюция топонима *Austrlönd* — та же, что и двух других композитов с корнем *aust-* (см. подробнее в разделе о *Austrvegr*).

Аустррики (Austrríki) — «Восточное государство» (производное от *austr* — «восток» и *ríki* — «государство»). Принадлежит к одному топонимическому ряду с *Аустрвег* (*Austrvegr*) и *Аустрлонд* (*Austrlönd*). Примечательно, что его не используют самые ранние древнескандинавские источники (скальдические стихи и рунические надписи), а также поздние своды королевских саг (*Красивая кожа* и *Круг земной*). В

первом случае причина кроется в том, что этногеографическая номенклатура скальдических стихов и рунических надписей сформировалась до того, как в XI–XII вв. сложилась в древнескандинавской письменности модель X-ríki для обозначения государственных образований (см.: Krag 1971). Во втором случае объяснение, по-видимому, следует искать в том, что в сводах королевских саг записи первой трети XIII в. наименование Руси *Garðaríki* (см. ниже) «вытесняет на запад» топонимию с корнем *aust-*, в результате чего *Austrvegr* и *Austrlönd* начинают обозначать земли юго-восточного побережья Балтийского моря. При этом для топонима *Austrríki* не находится в Восточной Прибалтике государственного образования, «достойного» этого имени (ср. другие топонимы типа X-ríki: *Svearíki*, *Garðaríki*).

В ранних королевских сагах (*Обзоре саг о норвежских конунгах*, *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Одда и *Гнилой коже*) *Austrríki* выступает, наравне с топонимом *Austrvegr*, в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки». Включает в себя самые разнообразные земли к востоку от Балтийского моря: прибалтийские земли и Русь, Восточно-Римскую империю, земли в Азии (Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957. P. 8–9; Metzenthin 1941. S. 35).

Бьярмаланд (Bjarmaland) — «Земля бьярмов» — территория на севере Восточной Европы, крайне противоречиво локализуемая исследователями: в Перми (Прикамье), Ярославском Поволжье, Карелии, на Кольском полуострове, в Восточной Прибалтике, в Нижнем Подвинье (см.: Матузова 1979. С. 30–32; Джаксон, Глазырина 1986). Соответственно, не решен однозначно вопрос и об этнической принадлежности бьярмов (*bjarmar*).

Бьярмаланд с населяющими его бьярмийцами не встречается ни в одном древнерусском памятнике, если не считать указания В. Н. Татищева, что в летописи Иоакима, епископа Новгородского, Корелия именуется «Бьярмией» (Татищев 1962. С. 108, 115). Топоним, напротив, известен целому кругу скандинавских средневековых источников. (Обзор их см. в: Тиандер 1906; Кузнецов 1906; Джаксон 1988б.)

Сообщение халогаландца Оттара, записанное в конце IX в. королем англосаксов Альфредом в его дополнении к переводу сочинения Орозия, содержит подробное описание маршрута из Халогаланда еще дальше на север в землю бьярмов (*beormas*), находящуюся (по всей логике этого очень ясного рассказа) на южном берегу Кольского полуострова, видимо начиная от нижнего течения реки Стрельны, или Варзуги, и далее на запад.

Два источника последней трети XII в. (латиноязычная *История Норвегии* и исландский географический трактат с условным названием *Описание Земли I*) указывают на положение Бьярмаланда (Бьярмонии) к северо-востоку (востоку) от Норвегии и Финнмарка, помещая его в один ряд с землями карел, финнов, квенов. Любопытно, что в *Описании Земли I* речь идет о «двух Квенландах» (этнонимом «квены» обозначались в средневековых источниках финны северной оконечности Ботнического залива), что, видимо, можно объяснить по аналогии с Ботнией западной — Ботнией восточной и Лаппией западной — Лаппией восточной, расположенными на противоположных берегах Ботнического залива на карте Олая Магнуса 1539 г. Подтверждает это предположение и *Сага об Эгиле* (первой трети XIII в.), где сухопутный маршрут из Квенланда в восточнее его, по саге, лежащий Кирьялаланд идет через расположенный к северу от них Финнмарк.

Такое понимание «двух Квенландов» следует принять в расчет и при обсуждении вопроса о двух Бьярмиях, на существование которых указывают *История Норвегии* («те и другие бьярмоны») и сочинение начала XIII в. *Деяния данов* Саксона Грамматика («Бьярмия внешняя»). Только в данном случае водоразделом может служить не Ботнический залив Балтийского моря, а Белое море. Видимо, противоречивость

описания в упомянутом географическом трактате Бьярмаланда, расположенного южнее Квенланда, но в то же время оказывающегося самой северной из известных европейских территорий, ибо от него «идут земли, не заселенные северными народами, до самого Гренланда» (Мельникова 1986. С. 77, 79), снимается, если подразумевать существование двух Бьярмаландов.

Таким образом, я склонна думать, что два Бьярмаланда (северный и южный) были разделены Белым морем и его Кандалакшским заливом. Изначально топоним *Vjarmaland* служил для обозначения всей западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна (или Варзуга). Видимо, эту область имеют в виду и договорные грамоты Новгорода с великими князьями в 1264 и 1304–1305 гг., когда называют между *Заволочьем* (в состав которого входило и нижнее течение Северной Двины) и *Тре* (Терским берегом, начинающимся к востоку от Варзуги) волость *Колоперемь / Голопърьмь* (ГВНП. С. 9, 17), во второй части названия которой (*-перемь*) можно усмотреть тот же корень, что и в *beornas* Отгара и в *bjarmar* скандинавских источников (см.: Джаксон, Мачинский 1988).

Саги, как правило, описывают естественный для норвежцев северный морской путь в Бьярмаланд, говоря о пути «на север в Финмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда», называя в качестве промежуточных точек несколько островов у северо-западного побережья Норвегии и у побережья Финмарка. Обратный путь описывается в них как путь «с севера»; героям саг приходится плыть по Гандвику; они попадают из Бьярмаланда «назад в Финмарк», а оттуда в Норвегию.

Три сюжета связывают Бьярмаланд с рекой *Виной* (о гидрониме *Vina* см. ниже): битва Эйрика Кровавая Секира у реки Вины по *Саге об Эгиле*; битва Харальда Серая Шкура на берегу Вины по висе скальда Глума Гейрасона, *Красивой коже* и *Кругу земному* Снорри Стурлусона (см.: Джаксон 1993а. Гл. 4 «Сага о Харальде Серая Шкура»); ограбление капища бьярмийского божества Йомали на берегу Вины, со значительными вариациями представленное в *Круге земном* (см.: Джаксон 1994в, Мотив 9) и ряде саг о древних временах — *Саге о Хальви*, *Саге о Боси*, *Саге о Стурлауге*, *Саге об Одде Стреле* (Fas. V. II. S. 28; V. III. S. 191–234; V. III. S. 529–647; V. II. S. 174).

Действительно нельзя исключать того, что в ряде случаев название *Бьярмаланд* могло применяться к низовьям Северной Двины. Изначальное «соединение» племен бьярмов (помещаемых большинством источников на Кольском полуострове и в западном Беломорье) и реки Вины (нередко выступающей в скальдике в качестве метафорического обозначения реки вообще) было осуществлено скальдом Глумом Гейрасоном. Изменение семантики топонима *Vjarmaland*, по сравнению с рассказом Отгара и другими источниками, могло произойти в королевских сагах (наследующих этногеографическую номенклатуру скальдических стихов) и в сагах о древних временах (зачастую развивающих сюжеты саг королевских), вероятнее всего, как следствие соотнесения скальдической реки *Вины* с реальной рекой *Северной Двиной*, ставшего возможным в результате участившихся плаваний скандинавов в Белое море и их знакомства с Северной Двиной.

В небольшом числе известий указывается на связь Бьярмаланда с древнерусскими землями (это *Сага о Хаконе Хаконарсоне*, *Прядь о Хауке Длинные Чулки* и др.). Проведенный анализ (Джаксон 1985) показывает, что в этих источниках находит отражение факт знакомства скандинавов с путем из Беломорья в центральные русские земли. Добавлю, что географическое сочинение *Описание Земли I*, а также восходящее к нему в данной части сочинение XIV в. *Грилла* говорят о даннической зависимости Бьярмаланда от Гардарики — Руси (Мельникова 1986. С. 158, 159).

Вина (Vína) — Северная Двина, по мнению подавляющего большинства исследователей. Наиболее серьезным доводом в пользу такого прочтения остается наличие созвучных названий этой реки в русском (*Двина*), финском (*Viena*) и древнеисландском (*Vína*) языках.

Из многочисленных толкований гидронима *Двина (Северная)* (см. их сводку: Фасмер 1986–1987. Т. I. С. 488) наиболее приемлемым представляется не учтенное Фасмером, но добавленное в словарную статью О. Н. Трубачевым (Там же) объяснение этого имени как родственного русскому слову *два* (см. также: Булкин 1985. С. 84). Ср. у Сигизмунда Герберштейна в *Записках о Московии*: «Область и река Двина получили имя Двины от слияния рек Юга и Сухоны, потому что Двина по-русски значит “два” или “по два”» (Герберштейн. С. 155). Переводчик и комментатор Герберштейна А. В. Назаренко, однако, со ссылкой на работу В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева 1962 г. утверждает, что Герберштейн заблуждается (Там же. С. 332, примеч. 521).

В скальдике гидроним *Vína* нередко выступает метафорическим обозначением реки вообще. Ср. *Vína* — река в висе скальда Х в. Эгиля Скаллаgrimссона, посвященной гибели в Англии его брата Торольва; *Vína* в сложном кеннинге поэзии в висе скальда Х в. Эгиля Скалагламма (Skj. A, I. S. 51). В висе скальда Глума Гейрасона (ок. 940–985 гг.) (см.: Джаксон 1993а. Гл. 4 «Сага о Харальде Серая Шкура») речь идет о битве конунга с «племенами бьярмов» «на берегу Вины». Поскольку *Бьярмаланд*, по сагам, расположен на севере, где-то за Финнмарком, то *Вину* исследователи стали искать в Беломорье и по созвучию соотнесли с *Двиной (Северной)*. Любопытно противоположное мнение О. Прицака (Pritsak 1981. P. 262) и Г. В. Глазыриной, что «гидроним *Vína* (Сев. Двина) в произведениях скальдов стал использоваться как поэтический термин для обозначения реки» (Глазырина 1989б. С. 105). Не имея для Х в. доказательств столь хорошего знакомства скандинавов с Северной Двиной, чтобы ее именем они могли называть другие реки, полагаю все же, что соотнесение скальдической реки *Вины* с реальной рекой — *Северной Двиной* — произошло позднее, в результате плаваний скандинавов в Белое море, а это повлекло за собой изменение семантики топонима *Vjarmaland*, по сравнению с рассказом Оттара, *Историей Норвегии* и др. (о топониме *Vjarmaland* см. здесь же).

Гандвик (Gandvík) — букв.: «Колдовской залив». Существуют две этимологии этого названия. Первая: имя *Gandvík* происходит от *gandr* — «чары, колдовство» и *vík* — «залив» (Тиандер 1906. С. 76; Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957. P. 188; Davidson, Fisher 1980. P. 23; и др.). Вторая: в основе гидронима *Gandvík* лежит местное финское название *Kanta-lahti* (откуда и соврем. *Кандалакша*) (Lidén 1896. S. 115; Браун 1907. С. 429; Mikkola 1942. S. 54; Vries 1957–1961. S. 155; Holmberg 1976. S. 171–172; Pritsak 1981. P. 134, note 75; Минкин 1990. С. 116; и др.).

Каким бы по происхождению ни было это название, всеми исследователями оно воспринимается как обозначение Белого моря или еще уже — его Кандалакшского залива. Лишь К.Ф. Тиандер в 1906 г. обратил внимание на то, что некоторые скандинавские источники обозначают этим термином не Белое море, а Ледовитый океан. По его мнению, «весь Ледовитый океан на север от европейских берегов был понят как залив — *sinus septentrionale* и назван Гандвиком. С течением времени, однако, понятие Гандвика стало суживаться» (Тиандер 1906. С. 73). К сожалению, эта точка зрения осталась незамеченной.

Самая ранняя фиксация гидронима — в висе исландского скальда Эйольва Вальгердарсона (ум. ок. 985 г.) — в ниде, хулительном стихе, адресованном датскому конунгу Харальду Гормссону, в котором скальд призывает своих соотечественников (исландцев) встретить с оружием сына Горма «в старой туманной земле Гандвика» (ок. 976 г. — Skj. A, I. S. 100). Трудно даже предположить, чтобы *Gandvík* здесь относился к

Белому морю. В висе скальда Эйлива Годрунарсона из его поэмы *Bórsdrápa* (ок. 1000 г.) оснований для отождествления *Гандвика* и *Белого моря* ничуть не больше (Skj. A, I. S. 148). Тексты, содержащие описание границ Норвегии (*Описание Земли I, Красивая кожа* и др.), помещают *Gandvík* на севере Норвегии, «там, где Финнмарк» (см.: Мельникова 1986. С. 76–77; Fask. S. 154; ср.: Flat. B. IV. Bl. 11). Вполне очевидно, что средневековые авторы не понимали под *Гандвиком* в этом контексте *Белое море*. В сагах, рассказывающих о пути в *Бьярмаланд*, как о пути по *Гандвику* (в *Отдельной саге об Олаве Святом* и в *Круге земном* Снорри Стурлусона, в *Пряди о Хауке Длинные Чулки*, в *Саге о Хальвдане Эйстейнссоне*), эти два топонима поставлены для современного исследователя во вполне однозначную зависимость, так что от понимания одного из них зависит толкование другого: если полагать, что *Бьярмаланд* — Нижнее Подвинье, то логично думать, что *Гандвик* — Белое море.

Однако наше сегодняшнее противопоставление Ледовитого океана и Белого моря не приложимо к раннесредневековым источникам. Географических знаний о европейском севере не хватало для того, чтобы делать различия между омывающими его северными морями и собственно океаном. Не случайно первые попытки картографического изображения, скажем, Белого моря относятся только к XV в. (Вальдман 1973). В сущности, то же нечеткое, по сегодняшним понятиям, представление зафиксировано в древнескандинавских источниках. Так, в *Деяниях данов* Саксона Грамматика (нач. XIII в.) читаем: «Впрочем, верхний изгиб океана, пересекая Данию, касается южной части Готии своим обширным заливом (Балтийское море. — Т.Д.), нижнее же его течение, проходя мимо ее (Готии. — Т.Д.) северного берега и Норвегии в сторону востока и увеличиваясь в ширине, заканчивается большим изгибом. Этот предел моря древние [люди] нашего народа именовали Гандвиком. Следовательно, между Гандвиком и южным морем находится узкое пространство суши, имеющее с двух сторон примыкающие к нему моря. Если бы эта суша не была природой противопоставлена почти сходящимся водам, как бы разграничивая их, то волны соединившихся заливов превратили бы Швецию и Норвегию в остров» (Сахо. P. 18 — перевод А. В. Подосинова). *Гандвик* здесь — окончечность «внешнего изгиба океана». Ср. в *Истории Норвегии*: «Однако, когда некие моряки стремились проплыть от Ледяного острова (Исландии. — Т.Д.) к Норвегии и встречными бурными ветрами были отброшены в зимнюю область, они прибились между вириденами (гренландцами. — Т.Д.) и бьярмонами» (НН. P. 75 — перевод А. В. Подосинова). *Гандвик* в тексте не назван, но картина та же: Гренландия мыслится как вытянувшаяся далеко на северо-запад часть Европы, и, соответственно, Ледовитый океан превращается в залив.

Итак, *Гандвик* — большой залив внешнего океана. Он омывает на севере Норвегию и Финнмарк. К нему тянется Ботнический залив (*Helsingjabotn*), где-то на его берегах расположен *Бьярмаланд*. И в то же время *Гандвик* — область чудес: вокруг него живут великаны, прорицательницы, колдуньи и пр. (см. *Прядь о Хауке Длинные Чулки* в: Джаксон 1993а. Гл. 2 «Сага о Харальде Прекрасноволосом»; см. также ряд саг о древних временах: *Сагу о Хервёр и конунге Хейдреке*, *Сагу о Грине Мохнатая Щека*, *Сагу о Хальвдане Эйстейнссоне*, *Сагу об Иллуги Воспитаннике Гридира* — Fas. B. I. S. 411; B. II. S. 144, 150, 152; B. III. S. 557, 652).

При всей филологической убедительности мнения, сформулированного, в частности, Я. де Фрисом, что *Gandvík* был образован из местного финского топонима *Kanta-lahti*, но путем народно-этимологического осмысления его первый корень был превращен в *gandr* — «чары, колдовство», я все же сомневаюсь, что весь большой «залив» внешнего океана может называться по самой дальней, а на практике — еще и очень труднодоступной (см.: Глазырина 1989б), окончечности этого «залива». Скорее, все же стоит отдать предпочтение первой этимологии имени *Gandvík* (раньше моя

точка зрения была иной — Джаксон 1988б, 1991а) и вслед за К. Ф. Тиандером признать, что *Gandvík* — это «Колдовской залив». Следует принять во внимание тот факт, что крайний Север представлялся в древности неким мифическим царством (см.: Lid 1951), и потому магическое название опасных для плаваний северных вод имело под собой известное основание. Что касается некоторого звукового сходства топонимов *Gandvík* и *Кандалакуша (Kanta-lahti)*, то оно, думается, не более значимо, чем сходство топонимов *Холмогоры* и *Hólmgarðr* (о последнем см. ниже).

Гардарики (Garðaríki) — древнескандинавское обозначение Руси, вторичное по отношению к топониму *Garðar*. Самую раннюю фиксацию топонима дает географическое сочинение последней четверти XII в. с условным названием *Описание Земли I* (Мельникова 1986. С. 76, 78).

Образованный на основе более ранней формы композит *Garðaríki*, нашедший отражение в сводах королевских саг записи первой трети XIII в., нужно понимать, вероятно, уже не как «Страну укреплений» (ср.: *Garðar* = *Города* = *Укрепления*), но как «Страну городов», поскольку соответствующий древнескандинавскому *garðr* термин *город* означал в древнерусском языке «укрепленное место, огороженное поселение» и «город» в привычном для нас смысле. И хотя в XI–XII вв. в скандинавской письменности формируется модель *X-ríki* для обозначения государственных образований (Krag 1971), тем не менее вряд ли можно в форме *Garðaríki* видеть лишь продукт литературного творчества. Скорее, следует говорить о логической эволюции топонима *Garðar*, определяемой социально-экономическим развитием Древнерусского государства и всем комплексом социально-политических и этнокультурных связей Руси и Скандинавии. (Подробнее см.: Джаксон 1984а, 1986а.)

Гарды (Garðar) — древнескандинавское обозначение Руси. От *Garðar* образован топоним *Garðaríki*. Наиболее верной с методической точки зрения представляется трактовка вопроса о соотношении этих двух наименований Руси в статье Ф. А. Брауна (Braun 1924). По мнению исследователя, форма *Garðaríki* является творением исландцев, записывавших саги (начиная с конца XII в.). До указанного времени (в X, XI и XII вв.) на всем Скандинавском полуострове использовалась для обозначения Руси форма *Garðar*.

Самая ранняя фиксация топонима *Garðar* — в висе Халльфреда Трудного Скальда (Hallfreðr Vandræðaskáld), исландского скальда, умершего около 1007 г., во второй строфе его поэмы *Óláfsdrápa*, сочиненной в 996 г. (Skj. A, I. S. 157). Эта виси, правда, сохранилась в двух сводах королевских саг записи первой трети XIII в. (Fask. 108; ÍF. XXVI. 253), но, по общему признанию исследователей, скальдические стихи не подвергались искажениям либо дополнениям в процессе их бытования в устной традиции, равно как и при записи их в качестве цитат в более поздних сагах. Таким образом, мы имеем свидетельство того, что в конце X в. топоним *Garðar* был распространен в древнескандинавском языке.

В скальдических стихах XI–XII вв. Русь представлена только своим самым ранним древнескандинавским наименованием *Garðar*, а также обозначением Ладоги, и это позволяет думать, что в силу известной консервативности скальдические стихи зафиксировали топонимию самого раннего периода пребывания скандинавов на нашей территории, пока путь по Волхову до Новгорода еще не был ими полностью освоен. Даже скальды XI в., бывавшие на Руси со своими конунгами, не использовали ничего, кроме традиционного и очень древнего обозначения Руси (см.: Джаксон 1991а. С. 107–108).

В рунических надписях топоним *Garðar* фиксируется девять раз на протяжении XI в. (Мельникова 1977. №6₂, 13, 16, 34, 48, 51, 63, 68, 92), семь раз со всей определенностью, притом что имеются два гипотетических прочтения (№13 и 68).

В *Обзоре саг о норвежских конунгах* в русских фрагментах один раз упоминается *Garðar* и пять раз *Austrvegr* — «Восточный путь», служащий здесь наименованием Руси. В *Саге об Олаве Трюггвасоне* монаха Олда Русь обозначается при помощи топонимов с корнем *aust-* 3 раза, *Garðar* — 7 раз, *Garðaríki* — 8 раз и 1 раз *Garðaveldi*. Соотношение тех же топонимов в *Гнилой коже: Austrvegr, Austrríki* и *Garðar* — по два раза каждый и один раз *Garðaríki*.

В *Красивой коже* топонимы *Garðar* и *Garðaríki* выступают примерно в равном соотношении, с некоторым перевесом в пользу более поздней формы. В *Круге земном* Снорри Стурлусона лишь форма *Garðaríki* используется в качестве названия Руси.

Во всем корпусе саг о древних временах (по подсчетам Г. В. Глазыриной) сочетание *austr í Gørðum* — «на востоке в Гардах» встречается лишь два раза.

Использование корня *garð-* для оформления именно восточноевропейской топонимии заставило исследователей обратить внимание на связь древнеисландского *garðr* и древнерусского *город*. На том основании, что *garðr* и *город* — слова родственные и что в них выделяется одно и то же значение («ограда, забор, укрепление»), можно заключить, что в определенном временном срезе они были тождественны по значению и именно в это время должна была сложиться (применительно к Руси) скандинавская топонимия с корнем *garð-* (см.: Джаксон 1984а).

Археологически скандинавы на Руси (за исключением Ладоги, где их следы датируются серединой VIII в.) прослеживаются начиная со второй половины IX в. Значит, скандинавское наименование Руси должно было сложиться в IX в. Но что дало основание скандинавским пришельцам назвать область расселения восточных славян того времени (точнее — Северо-Запад Восточной Европы, поскольку в этот район скандинавы попадали раньше всего, с ним теснее всего были связаны) *Garðar*? Каков был характер поселений в указанное время на означенной территории?

Все предшествующее рассуждение приводит к выводу, что это должны были быть укрепленные поселения, но не города в более позднем понимании. Археологические материалы, со своей стороны, говорят за то, что даже в конце X — начале XI в. в Новгородской земле было всего три города (Псков, Новгород, Ладога), при общем числе древнерусских городов не более 21 (Куза 1983. С. 21–22). В то же время в Новгородской земле насчитывается (по данным разведочных обследований) не менее 20 укрепленных поселений, относящихся к эпохе сложения Древнерусского государства (Булкин, Дубов, Лебедев 1978. С. 77).

Анализ топографии кладов куфических монет VIII–X вв. (Носов 1976. С. 95–110) подтвердил выдвигавшееся уже в науке положение о том, что в Ильменском бассейне смыкались два важнейших торговых пути средневековья, пересекавших Восточную Европу, — балтийско-волжский путь и путь «из варяг в греки». Именно в этом районе, в центре складывающейся Новгородской земли (по р. Волхов, в низовьях рек, впадающих в оз. Ильмень, по р. Поле), и находились означенные укрепленные поселения. Они служили убежищем для населения близлежащей округи, а кроме того, были опорными и контрольными пунктами на водных дорогах, зачастую они располагались на наиболее трудных участках водных магистралей, что характерно в первую очередь для поселений на берегах Волхова (Носов 1977. С. 21; Носов 1981).

Таким образом, скандинавы, отправляясь из Ладоги по Волхову в глубь славянской территории, встречали на своем пути цепочку укрепленных поселений, называемых местными жителями «городами». Поэтому вполне естественно, что на

первом этапе знакомства с Русью скандинавы стали называть страну *Garðar* «Города (= укрепления)».

Кирьялаланд (Kirjálaland) — «Земля кирьялов». *Kirjálar / Kirjálir / Karialar* — «кирьялы / карелы» — обозначение одной из древнейших прибалтийско-финских племенных группировок. В русских источниках с 1143 г. (НПЛ. С. 27) это племя известно под именем *корелы*. В древнескандинавских источниках, наряду с основной огласовкой этнонима *kirjálar*, зафиксированы формы с гласными -а- и -æ- в первом слоге. Э. М. Метцентин считает именно их исходными в скандинавском языке, восходящими к древнерусской форме *корела* (Metzenthin 1941. S. 58). По мнению Д. В. Бубриха, в *kirjálar* отразилось архаическое название древнекарельского населения, приближенное к исходной форме — *kirjala(iset)* < балт. *girja, garja* — «гора» (Бубрих 1947. С. 17, 31). Небезынтересно в этой связи, что скандинавские источники — *Сага об Эгиле* и анналы — говорят о некоей *горе* как месте обитания карел (см.: Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990. С. 99–132).

Кирьялаланд не имеет достаточно четкой локализации в древнескандинавских источниках. Латиноязычная *История Норвегии* (ок. 1170 г.) называет карел среди преданных язычеству племен, «простирающихся» на северо-восток за Норвегию: это «кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмоны»; по *Легендарной саге об Олаве Святом* (нач. XIII в.), *Кирьялаланд* оказывается в *Аустрвеге*, на пути из Свитьод в Гардарики (то же — в *Красивой коже*); в *Саге об Эгиле* (1200–1230 гг.) герои, чтобы добраться из Квенланда (с северной оконечности Ботнического залива) в *Кирьялаланд*, идут сухим путем через Финнмарк (занимающий весь север Фенноскандии). Таким образом, скандинавские источники дают основание говорить о бытовании этнонима *kirjálar* — «карелы» много севернее Ладожского озера. Вопрос о том, относится ли столь северо-восточная локализация карел к XIII в. (времени записи значительного числа источников) или к концу IX в. (времени действия, скажем, *Саги об Эгиле*), остается открытым.

Курланд (Kúrland) — «Земля куров». *Kúrir* — «куры», курши, западнобалтское племя. Область их расселения определяется как территория «на восточном побережье Балтийского моря, примерно до р. Вента на востоке, не достигая Рижского залива на севере и низовьев Немана на юге» (Финно-угры и балты. С. 404). Русский летописец называет это племя именем *корсь* (ПВЛ. Ч. I. С. 10, 13). Согласно сагам, *Курланд* входит в число земель, составляющих *Аустрвег* («Восточный путь»).

Кэнугард (Kænugarðr). Всеми без исключения исследователями понимается как обозначение Киева. Самую раннюю фиксацию топонима дает географическое сочинение с условным названием *Описание Земли I* (последней четверти XII в.). Обращает на себя внимание тот факт, что Киева нет в рунических надписях X–XI вв., нет его в скальдических стихах XI–XII вв., нет и в ранних королевских сагах (из королевских саг — только в *Пряди об Эймунде* конца XIII в.). С другой стороны, принадлежность имени *Kænugarðr* к топонимическому ряду на *garðr* (древнескандинавские обозначения Новгорода, Киева и Константинополя), в котором *Hólmgarðr* зафиксирован уже в рунической надписи первой половины XI в., а *Miklagarðr* — в висе скальда Бельверка Арнорссона, датируемой второй третью XI в., равно как и промежуточное положение Киева между Новгородом и Константинополем на пути «из варяг в греки», освоенном скандинавами уже в IX в., — указывают на его появление почти в то же самое время, что и топонима *Hólmgarðr*. Однако временная, связанная с пространственной (Лебедев 1975. С. 40, 41), последовательность возникновения древнескандинавской топонимии Древней Руси сказалась в том, что топоним *Kænugarðr* не вошел в традицию королевских саг, где столицей Руси и

центром всех происходящих на Руси событий стал несколько опередивший Киев в контактах с варягами *Hólmgarðr* (см.: Джаксон, Молчанов 1989). Это позволяет в свою очередь говорить о наличии в Скандинавии ряда этногеографических традиций, нашедших отражение в различных жанрах древнескандинавской письменности.

Исследователи склонны считать, что прототипом для *Kænugarðr* послужил *КЫЯН(ОВ)Ь-ГОРОДЬ — былинный вариант топонима КЫЕВЪ, восходящий к древнему наименованию Киева, бытовавшему в устной речи (см.: Mikkola 1907b. S. 279–280; Рожнецкий 1911. С. 28–63; Thomsen 1919. S. 314; Hesselman 1925. S. 105–111; Брим 1931. С. 236; Metzenthin 1941. S. 61–62; Stender-Petersen 1946. P. 132–133; Vries 1957–1961. S. 342; Schramm 1984. S. 77–78; Трубачев 1988. С. 222). Его первый компонент, вероятнее всего, образован от этникона КЫЯНЕ, «жители Киева», засвидетельствованного в летописях.

Древнескандинавские источники фиксируют три огласовки первого корня композита, выступающего обозначением Киева: *Kęnu/Kænu-*, *Kiænu-*, *Kænu-*. В литературе высказывались различные мнения об их соотношении. И. Миккола и вслед за ним В.А. Брим считали наиболее отвечающей русскому исходному *КЫЯНЬ-ГОРОДЬ форму *Kiænugarðar*; Б. Хессельман рассматривал написание через *æ* как дело рук исландских писцов, а через *œ* — норвежских. Недостатком этих толкований является то, что всякий раз какая-то одна из трех существующих форм топонима не может быть объяснена достаточно убедительно. Только если принять за исходную форму *Kænugarðr*, можно, с учетом развития скандинавской системы гласных, объяснить появление и двух других форм. *Kænugarðr* оказывается в таком случае результатом лабиальной перегласовки, происходившей на рубеже IX–X вв. перед сохраняющимся *u* преимущественно в западнскандинавских диалектах (см.: Смирницкий 1961. С. 60–61). Напротив, *Kiænugarðr* выступает тогда как результат преломления на *u*, представленного, в противоположность перегласовкам, на востоке Скандинавии обильнее, чем на западе (см.: Стеблин-Каменский 1953. С. 117–119). В пользу высказанного предположения говорит, с одной стороны, наличие обозначения жителей Киева только в форме *Kænir* (*Saga o konunge Gaутреке*), сохраняющей не подвергшийся ни преломлению, ни перегласовке гласный *æ*, с другой стороны, то обстоятельство, что самая ранняя фиксация топонима представляет собой вариант с открытым *e* (*e* и *æ* являются графическим отражением одного и того же звука — открытого *e*; см.: Смирницкий 1961. С. 20).

Лабиальная перегласовка облегчила народноэтимологическое осмысление топонима, который стал восприниматься как «лодочный город» (от *kæna* — «лодка особого вида»; см.: Томсен 1891. С. 74, примеч. 76), что отвечало исторической роли Киева в середине X в., отмеченной Константином Багрянородным.

Оговорюсь все же, что нельзя быть абсолютно уверенным в строгой последовательности развития этого топонима. Не исключена возможность, что все три варианта являются попыткой передачи местного звучания средствами древнескандинавского языка, как в ситуации с Суздаlem (см.: Джаксон 1985). Ср. вывод С. Рожнецкого, что «*Kænugarðr* и *Kænugarðr* равносильны и возникли независимо один от другого» (Рожнецкий 1911. С. 50).

Палтескья (Palteskia). Очень прозрачное древнескандинавское обозначение Полоцка. Самую раннюю фиксацию топонима дает географическое сочинение с условным названием *Описание Земли I* (последней четверти XII в.). Кроме этого, Полоцк упоминается в *Деяниях датчан* Саксона Грамматика, еще в двух географических сочинениях, в поздней королевской саге (*Пряди об Эймунде*), в епископской саге, в двух сагах о древних временах. Топоним, судя по всему,

принадлежит к географической традиции, нашедшей отражение в географических трактатах и сагах о древних временах.

Топоним имеет во всех перечисленных источниках форму *Pal(l)teskia*, и лишь *Saga ob Oddde Стреле* дает композит, образованный присоединением географического термина *borg* — «город, крепость»: *Pallteskiuborg*. Г. Шрамм совершенно справедливо отмечает, что это — «вторичное образование, поскольку город расположен не на реке Паллтескья, а на реке Полота» (Schramm 1982. S. 283). И. Миккола высказал мысль, что скандинавское *Pallteskia* отражает древнерусскую форму ПОЛТЕСКЪ, которая встречается в Ипатьевской и Псковской летописях, полагая, что в скандинавской огласовке отразилось своеобразное кривичское звуковое сочетание **олт**, так как обычное ПОЛОТСК дало бы *Palatskja (Mikkola 1907b. S. 281). Его поддержал В.А. Брим (Брим 1931. С. 218). Возражения высказал Г. Шрамм, посчитавший невозможным переход древнерусского **о** в скандинавское **а**. По его мнению, название Полоцка перешло в скандинавский язык и закрепилось в нем в середине IX в. — до становления восточнославянского полногласия **ал** > **оло** (Schramm 1982. S. 283–284). Согласиться со столь ранней датировкой, однако, трудно, ибо, с одной стороны, древнерусское **о** было кратким и нелабиализованным и потому совпадало с **а** кратким многих других языков раннего средневековья, и в частности скандинавских (см.: Колесов 1980. С. 25–26); на достаточную последовательность передачи древнерусского **о** через скандинавское **а** указывал еще С. Рожнецкий (Рожнецкий 1911. С. 51–52), а с другой стороны, — процесс становления восточнославянского полногласия, по свидетельству историков языка, протекал вплоть до XIII в. (см.: Колесов 1980. С. 69–75). Косвенным аргументом против предложенной Г. Шраммом датировки может также выступать отсутствие топонима *Pallteskia* в скальдических стихах, рунических надписях и ранних королевских сагах, этногеографическая номенклатура которых сформировалась в конце VIII — начале X в. (ср.: Джаксон 1989б).

Небезынтересным представляется предложенное С. Рожнецким объяснение финального **а** в скандинавских обозначениях Полоцка и Смоленска тем, что «русские имена перешли в др.-сканд. язык в родительном падеже, бывшем в большом употреблении благодаря предшествующим предлогам **до**, **от**, **из**». По наблюдению исследователя, «такое явление общеизвестно германским языкам при заимствовании славянских географических названий» (Рожнецкий 1911. С. 52). Е.А. Мельникова рассматривает форму *Palteskia* как транскрипцию местного названия, сопровождаемую морфологическими изменениями: русские «Полоцк, Полтеск» и «Смоленск» приобретают в древнеисландском языке «формы женского рода с довольно редкой основой на **-on**» (Мельникова 1986. С. 42–43).

Русция (Ruscia). Топоним прочитывается исследователями как обозначение Древней Руси. В целом это редко встречающееся в памятниках древнескандинавской письменности обозначение Руси, явно возникшее под влиянием латинской традиции (топоним употребляется в латиноязычных или переводных с латинского языка текстах). Думается, можно попытаться установить некоторую закономерность в использовании сагами топонимов *Garðaríki* и *Ruscia*.

Самланд (Sámland) — Самбия, одна из одиннадцати земель, входивших в XIII в. в состав Пруссии (Матузова 1989. С. 93); «занимала весь Самбийский полуостров до р. Прегель на юге, Деймы на востоке и восточную часть Мереи Вислинской» (Матузова 1997. С. 273). Самбию (*Semland*) и населяющих ее самбов (*Sembi*) знает Адам Бременский, ок. 1070 г. (Adam. Lib. IV. Cap. 18). Самбию (*Sámland*) упоминает анонимный исландский скальд XII в. в кеннинге женщины (Skj. A. I. 600). Описание и границы Самбии («De Sambia») дает Бартоломей Английский, ок. 1250 г. (см.:

Матузова 1989. С. 77/85). Скандинавский топоним *Sámland* иногда, как мне представляется, ошибочно соединяют с этнонимом *Seimgaler* (Metzenthin 1941. S. 90–91; Мельникова 1977. С. 207–208; Мельникова 1986. С. 215), служащим в действительности обозначением не самбов, а земгалов, живших к западу от нижнего течения Западной Двины.

Судрдаларики (Suðrdalaríki) — одно из древнескандинавских обозначений Суздаля/Суздальской земли. Суздаль упоминается в произведениях древнескандинавской письменности всего шесть раз, из них дважды — в *Sage o Hakone Hakonarsonе* (подробнее см.: Джаксон 1985).

Проведенный анализ показывает, что в древнескандинавской письменности не существовало единого написания для передачи местного имени *Суздаль*: это *Suðrdalaríki/Syðridalaríki*, *Súrdalar*, *Surtsdalar*, *Syrgisdalar* и *Súrsdalr*. Я склонна рассматривать неоднозначность этого топонима как яркий пример работы механизма народной этимологии: попытки передать местное звучание с использованием скандинавских корней. Так, если в первом топониме явно просматривается составляющая *suðr/syðri* — «южный/более южный», то в именах *Súrdalar* и *Súrsdalr* угадывается прилагательное *súrr* — «кислый», в *Syrgisdalar* — глагол *syrgja* — «скорбеть», а за *Surtsdalar* явно стоит имя мифологического великана Сурта (ср.: *Hellinn Surts*). Поскольку все саги, содержащие данный топоним, относительно поздние, не представляется возможным выделить тот фонетический вариант, который первым достиг Скандинавии. Впрочем, возможно, все приведенные выше формы параллельны и независимы одна от другой. Второй корень во всех случаях один и тот же: *dalr* — «долина»; за исключением топонима *Súrsdalr* — во множественном числе. Форма множественного числа указывает на то, что речь идет не о городе, а о княжестве, столицей которого этот город является (см.: Metzenthin 1941. S. 61–62; Джаксон 1985. С. 216–217, примеч. 31), в данном случае — о Суздальской земле.

Сурсдалир (Súrsdalir) — одно из древнескандинавских обозначений Суздаля/Суздальской земли (см.: Судрдаларики).

Хольмгард (Hólmgarðr) — древнескандинавское обозначение Новгорода. Самая ранняя фиксация топонима — в рунической надписи из Эсты первой половины XI в. (см.: Мельникова 1977б. С. 89). Всего в рунических надписях *Hólmgarðr* встречается трижды (Там же. №23, 57, 89). Скальдическим стихам этот топоним не известен. Однако, за исключением вис, *Hólmgarðr* встречается (более 100 раз) во всех видах древнескандинавских источников.

Существующие в литературе объяснения происхождения и значения топонима весьма различны. Историки последнего столетия, преодолевшие ошибочное отождествление топонимов *Hólmgarðr* и *Холмогоры* (идущее от Тормода Торфеуса) и склонные видеть в древнескандинавском *Hólmgarðr* обозначение Новгорода, тем не менее понимают древнескандинавскую форму весьма противоречиво. В ней видят: 1) «Ильменский город» (*Ильмень* > *Hólm*), 2) «город на острове» (от *hólmr* — «остров»), 3) «поселения в островной, т. е. заливаемой паводками местности», 4) «Холм-город (т.е. крепость Холм)» (от используемого летописями обозначения Славенского конца Новгорода).

Сторонников первого толкования немного (Müllenhoff 1860. S. 346; Томсен 1891. С. 74, примеч. 75). По справедливому заключению Е. А. Рыдзевской, «это объяснение, предполагающее переход в народной этимологии, осмысление чуждого названия, неудовлетворительно, прежде всего, с фонетической точки зрения» (Рыдзевская 1922. С. 105–106).

Большинство исследователей до недавнего времени видело в топониме *Hólmgarðr* «город на острове» (Munch 1874. S. 264; Куник 1903. С. 106; Mikkola 1907b. S. 279; Миккола 1908. С. 27; Lowmian 'ski 1957. S. 156, prz. 568; Греков 1959. С. 356; Мурзаев 1984. С. 595), поскольку основное значение древнескандинавского существительного *hólmr* — «остров». Рыдзевская, вслед за Ф. А. Брауном, указала на то, что «вторая часть его — русское слово 'город' в скандинавской передаче», и если первая часть скандинавская, то название получается «смешанное по своему составу и мало правдоподобное» (Рыдзевская 1922. С. 110).

Здесь необходимо пояснить, что двуязычные топонимы нередко возникают при межэтнических контактах, однако в них местным всегда оказывается начальный (смысловой) элемент, и только вторая (словообразовательная) часть бывает иностранной (ср.: *Aldeigju-borg*), но не наоборот. Я хочу подчеркнуть, что композит, состоящий из древнескандинавского *hólmr* (как первого элемента) и древнерусского *gorod* (как второго элемента), просто невозможен; топоним, составленный из древнерусского *хѡлмъ* и древнескандинавского *garðr* мог бы возникнуть, если бы *garðr* выступал в качестве словообразовательного элемента со значением укрепленного поселения (чего в действительности не происходило). Таким образом, единственно возможным способом возникновения древнескандинавского топонима было заимствование скандинавами местного имени *Хѡлмъ* — *городъ*. Однако следует четко различать момент возникновения того или иного топонима и остальной период его функционирования в языке. Так, в равной степени мало правдоподобно и то, что в языке скандинавов могло возникнуть двусоставное скандинаво-славянское имя *Hólm-gorodъ*, и то, что исходное местное значение *Холмъ* — *городъ* могло сохраниться в процессе использования топонима скандинавами (в языке которых существовали *hólmr*, «остров», *garðr*, «усадыба, хутор», а также имена собственные с составляющими *hólm-* и *garð-*).

Мне приходилось не раз обосновывать неправомерность третьего прочтения топонима *Hólmgarðr* как обозначения островной местности (см.: Джаксон 1984а; Джаксон 1986а; Джаксон 1991а. С. 145–149; Джаксон, Молчанов 1989). Приписываемое сейчас Б. Клейберу (Kleiber 1957), но восходящее еще к Н. М. Карамзину (Карамзин 1842. Примеч. 97 к т. I, гл. II), «территориальное значение» топонима признается Е. А. Мельниковой (Мельникова 1977а; Мельникова 1986. С. 40–50 и др.) и поддерживается рядом археологов. К сожалению, тот материал, на котором делаются эти выводы, а именно материал древнескандинавских письменных памятников, не только не дает для них оснований, но и противоречит им (см.: Джаксон 1991а. С. 146–148).

И наконец, еще одно мнение о происхождении топонима *Hólmgarðr*. На «возможную близость» между названиями «Холм» и *Hólmgarðr* указывала еще Е. А. Рыдзевская (Рыдзевская 1922. С. 105; см. также с. 110–111). В. Л. Янин и М. Х. Алешковский высказали предположение, что в древнеисландском языке используется «древнейшее самоназвание Новгорода, вернее одной из его составляющих, восходящее к эпохе, когда самый феномен Новгорода в виде политической федерации поселков с общей для них цитаделью еще не возник» (Янин, Алешковский 1971. С. 41). Данные археологии позволили Янину поставить вопрос, не заключено ли в древнескандинавском топониме *Hólmgarðr* «древнейшее название поселка на Славне — Холмгород?» (Янин 1982а. С. 83).

Лингвистические материалы дают положительный ответ на этот вопрос. Не последнее место при решении вопроса о происхождении и значении древнескандинавского имени *Hólmgarðr* занимают данные, полученные при исследовании комплекса имен городов на *-garðr* (Джаксон, Молчанов 1989). В состав этого топонимического ряда входят *Hólmgarðr*, *Kønugarðr* и *Miklagarðr* — названия

трех главных пунктов на маршруте следования купеческих караванов и разного рода экспедиций по пути «из варяг в греки». Построенные в соответствии с моделью *X-garðr*, эти топонимы коренным образом отличаются от прочих географических названий того же региона в древнескандинавской передаче (ср., например, *Móramar*, «Муром», *Surdalar*, «Суздаль», *Pallteskia*, «Полоцк») и образуют компактную группу. Хронология их возникновения очевидна, ибо установление в IX в. прямого транзитного сообщения через Восточную Европу по Волховско-Днепровскому пути шло для скандинавов поэтапно с севера на юг (Лебедев 1975). Анализ показывает, что *Konugarðr* и *Miklagarðr* были ориентированы на фонетический облик географического самоназвания, как и все другие скандинавские имена в Восточной Европе. Именно поэтому можно с полным основанием утверждать, что принцип фонетического уподобления был единственно возможным и для образования первого из этих топонимов, и это лишний раз подтверждает наш вывод о его происхождении.

Согласно летописным свидетельствам, *Холмом* именовался один из районов средневекового Новгорода в южной части Славенского конца (НПЛ. С. 23, 27, 40, 44, 45, 71, 208, 231, 238, 240, 280). Результаты геологического бурения показали, что появление такого названия действительно объясняется особенностями первоначального микрорельефа местности: холм на Славне возвышался над прилегающей территорией на 7–8 м, что для равнинного Приильменя несомненно являлось заметным всхолмлением. Следовательно, хотя *Хълмъ* в Новгороде упоминается в летописи впервые в 1134 г. (Там же. С. 23, 208), возникновение этого топонима логичнее всего относить к самому раннему периоду существования славянского поселения на возвышенности правого берега Волхова — в пределах будущего Славенского конца. Кстати, топонимы *Славно* и *Славенский конец* впервые появляются на страницах летописи под 1105 и 1234 гг. (Там же. С. 19, 71, 203, 280).

Существует еще одна вероятность, которая также не должна быть оставлена нами без внимания. Возможно, название *Хълмъ-городъ* относилось сначала (в IX–X вв.) к так называемому Рюрикову Городищу, поселению, основанному не позднее середины IX в. в двух километрах от Новгорода, у истока Волхова из озера Ильмень. В IX–X вв. Городище было основным торгово-ремесленным и военно-административным центром округа. Впрочем, оно было и языческим центром (с языческим святилищем Перынь). Когда в 980 г. киевским князем Владимиром была предпринята реформа древнерусского язычества, воевода Владимира Добрыня воздвиг стацию Перуна в Перыни. Однако к середине XI в. Городище было оставлено, и княжеская резиденция при Ярославе Мудром была перенесена в Новгород. Собственно в этот момент и должно было возникнуть название *Городище* со значением «Старая крепость», противопоставленное *Новгороду*, «Новому укреплению» (Носов 1998).

Получается известное противоречие. Археологами на территории новгородского детинца не найдено слоев ранее третьей четверти X в., название *Новгород* возникает к середине XI в., в то же время целый ряд летописных известий о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава упоминает *Новгород*. Здесь я полностью согласна с Е. Н. Носовым, который не считает возможным допустить, что при описании этих событий «летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся в середине XI в.», и потому полагает, что «летописцы, говоря о ‘Новгороде’ при описании событий IX–X вв. имели в виду поселение на ‘Городище’ (при такой постановке вопроса ‘Городище’ выступает как одно из локальных названий в рамках Новгорода, появившееся на одном из этапов его развития, такое же, как, например, ‘Ярославово дворище’)» (Носов 1995. С. 16).

На мой взгляд, топоним *Hólmgarðr* мог развиваться следующим образом: возникнув как отражение местной формы *Хълмъ-городъ*, имени того поселения,

которое впоследствии стало называться *Городищем*, впоследствии, с переселением его обитателей на территорию будущего Славенского конца Новгорода, топоним был перенесен туда, благо к этому располагало сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого мест. И все же на всем протяжении своего существования топоним *Hólmgarðr* оставался в представлении скандинавов обозначением столицы Северной Руси, Новгорода.

Хольмгардия (Holmgardia) — латиноязычное обозначение Новгорода, восходящее к древнескандинавской форме *Hólmgarðr*.

Хольмегардер (Holmegarder) — латиноязычное обозначение Новгорода, восходящее к древнескандинавской форме *Hólmgarðr*.

Эйстланд (Eistland) — «Земля эйстов» — древнескандинавское обозначение области в Восточной Прибалтике, вероятно, совпадающей с современной Эстонией (Metzenthin 1941. S. 19). А.-Л. Шлёцер полагал, что *Eistland* исландских саг — «восточная земля (в рассуждении Скандинавии), от Исландского слова: *eist, austr*, Англосаксонского *east, восток*» (Шлёцер 1809. С. 65).

По мнению С. Кросса, с точки зрения исторической географии, нет смысла разделять *Aestii* Тацита, *Aesti* Йордана, *Osti* и *Estes* Вульфстана в дополнении к переводу Орозия, выполненному королем Альфредом, *Eistir* исландских саг (Cross 1931). Этнолингвистическая принадлежность эстов средневековых источников, однако, до конца не ясна. Наиболее распространенным является мнение, что этноним исходно относился к балтским племенам, а со временем был перенесен на часть прибалтийских финнов и послужил основой для современного наименования Эстонии (Браун 1889. С. 249–251). Но если, как отмечает А. Н. Анфертьев, «эсты Вульфстана без труда отождествляются с позднейшими пруссами», то «неясно, в какой мере это отождествление может быть отнесено к более раннему периоду» (Свод ... известий о славянах. С. 140).

Согласно сагам, *Эйстланд* входит в число земель, составляющих *Аустрвег* («Восточный путь»). Аналогично помещает *Эйстланд* географический трактат второй половины XIII – начала XIV в. *Какие земли лежат в мире*: «Около Гардарики лежат такие земли: кирьялы, ревалы, Тавейсталанд, Вирланд, Эйстланд, Ливланд, Курланд, Эрmland, Пулиналанд, Виндланд — самый западный перед Данией» (Мельникова 1986. С. 65).

Эйстрасальт (Eystrasalt) — «Более восточное море» (от сравнительной степени прилагательного *austr* — *eystri* и существительного *salt* — «соль», имеющего в двусоставных топонимах значение «море» — см.: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957. P. 136, 510) — обозначение Балтийского моря. Первая фиксация этого гидронима в памятниках древнескандинавской письменности — в висе скальда Арнора Тордарсона 1046 г. Однако еще в продолжении *Франкских королевских анналов* (в 30–е – 40–е гг. IX в.) Эйнхард отмечает, что датчане называют Балтийское море («восточный морской залив») *Ostarsalt* (Einhardi Annales. P. 126). Это лишний раз подтверждает вывод, что этногеографическая номенклатура скальдических стихов сформировалась в конце VIII – начале X в. (Джаксон 1989).

Эйсюсла (Eysýsla) — букв. «Островная сюзла» (от *ey* — «остров» и *sýsla* — «сюзла», юридический термин для обозначения управления, пожалованного королем или епископом, либо географический термин со значением «район, округ, префектура») — обозначение о. Сааремаа. Самая ранняя фиксация топонима, в сокращенной форме *Sýsla*, — в висе скальда Тьодольва из Хвинира (см.: Джаксон 1993а. Гл. 1 «Сага об Инглингах»). В висе скальда Эйольва Дадааскальда из его поэмы *Bandadrápa*,

сочиненной ок. 1010 г., фигурируют *allar Sýslur* — «все Сюслы», прочитываемые исследователями как обозначение о. Сааремаа и лежащей против него эстонской области Ляэнемаа — *Адальсюслы саг* (см.: Джаксон 1993а. Гл. 5 «Сага об Олаве Трюггвасоне»). Собственно *Eysýsla* впервые фиксируется в виле скальда Отгара Черного *Выкуп головы* (ок. 1023 г.) (Skj. A, I. S. 291). Вероятно, этот же топоним использован и в не до конца ясной рунической надписи XI в. из Вестра Лединге (см.: Мельникова 1977б. С. 97–98 — №65; С. 201). О топониме см.: Tunberg 1947. S. 350; Johanssen 1951. S. 294–295; Vilkuна 1960. Sp. 327–329). По мнению К. Вилкуны, скандинавы имели сильное влияние и власть в восточноприбалтийских землях, свидетельством чего выступает существование в Эстонии института «сюслы» (последнее он подтверждает именем о. Сааремаа — *Eysýsla*). Более того, со ссылкой на работу П. Юханссена, он утверждает, что характерное для Эстонии деление на *земли (maa)* есть то же, что деление на *сюслы*, а потому заключает, что ярлы, посылаемые в Восточную Прибалтику скандинавскими конунгами, насадили здесь этот институт; и началось все с о. Сааремаа. Накопленные к настоящему времени археологические материалы не позволяют делать столь категоричных выводов (см.: Кустин 1968; Труммал 1979).